

В. Г. АДМОНИ

СТАТУС ОБОБЩЕННОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

I. Центральным участком языковой системы является грамматический строй. Важнейший признак языка — это соединение формы со значением, звука со смыслом, плана выражения с планом содержания. На осуществление такого соединения так или иначе нацелены все звенья, все стороны и уровни языка и речи. Но некоторые из них участвуют в решении этой задачи, не воспроизводя непосредственно сами связь плана выражения с планом содержания, а лишь обслуживая эту связь, создавая для нее — правда, необходимые и поэтому исключительно важные — предпосылки. Это касается в первую очередь фонетической системы языка как таковой. Фонема выделяется в своем существовании внутри системы данного языка своей смысловоразличительной способностью. Но сама по себе фонема принадлежит лишь к плану выражения, а не к плану содержания. Между тем, единицы таких сфер языка, как лексика и грамматика, непосредственно осуществляют связывание плана выражения с планом содержания. В наиболее полной мере это касается грамматики, потому что единицы грамматики обладают как бы потенцированными значениями, обобщенными и наслаивающимися на лексические значения.

Являясь непосредственной ареной соединения плана выражения с планом содержания, лексика и грамматика оказываются теми сферами языковой системы, которые образуют ее сердцевину, составляют ее наиболее репрезентативный участок. А максимально репрезентативным является по отмеченной выше причине грамматический строй. Соединение формы и значения совершается здесь наиболее полно, сочетающиеся компоненты языкового знака выступают здесь в своем наиболее осложненном виде и в своей максимальной взаимообусловленности.

Именно центральная и репрезентативная роль грамматического строя в языковой системе делает его исключительно важным объектом изучения при исследовании природы языка. Нам кажется неслучайным, что наиболее глубокие языковедческие концепции, концепции В. Гумбольдта и А. А. Потебни, были построены в первую очередь на основе исследования грамматических явлений. Между тем, концепции более ограниченные и односторонние обычно базируются в первую очередь на других сферах (уровнях) языковой системы.

Так, младограмматическая концепция была прежде всего основана на исследовании звуковой системы языков, а грамматические явления трактовались как формы, с одной стороны, испытывающие влияние закономерного развития звуков, а с другой стороны, подвергающиеся воздействию общих психофизиологических законов. Конечно, в области грамматики учеными этого направления было сделано много ценных и важных наблюдений и накоплен огромный материал, но грамматика как таковая была все же лишь вторичным, производным объектом их исследования, а решающим — в области чисто лингвистической — объектом их исследования был звук человеческой речи. Соответственно и в структурализме,

особенно в американском дескриптивизме, несмотря на большой интерес к грамматике как таковой, решающим и исходным объектом исследования была звуковая сторона языка. Неслучайно все развитие грамматических исследований в дескриптивизме, а в какой-то мере и в других направлениях структурализма, стоит под знаком попыток перенесения на грамматику приемов исследования, выработанных при исследовании фонологической системы языка. И здесь надо подчеркнуть наличие новых важных наблюдений, сделанных структуралистами в области грамматики — в частности, в сфере изучения общих грамматических значений, но подлинной базой структуралистских исследований была все же звуковая область языка. Именно поэтому у крайних представителей структурализма могло возникнуть требование отказаться при исследовании грамматики от обращения к грамматическим значениям.

В течение многих десятилетий было принято рассматривать младограмматиков и структуралистов как два полярных, во всем противопоставленных друг другу теоретических направления в лингвистике. Но теперь, когда период структурализма — по крайней мере, в его классических проявлениях — уже закончен, становятся очевидными и те точки соприкосновения, которые между ними существовали. Главная из них — ориентация как на решающий и отправной пункт в исследовании языка не на языковой знак в его целостности, а на одну из сторон этого знака, притом на сторону звуковую. Двигаясь в этом направлении, как младограмматики, так и структуралисты достигли исключительно больших успехов. Младограмматики создали понятие звукового закона — понятие, которое оказалось необычайно плодотворным и устояло как основное в исследовании истории языка, несмотря на ожесточенную критику со стороны психологистов, представителей территориальной диалектологии и некоторых структуралистов. Структуралисты создали фонологию (правда, совместно с такими исходившими из младограмматической традиции учеными, как Бодуэн де Куртенэ и Л. В. Щерба), ставшую неотъемлемой частью науки о языке. Но чрезвычайно характерно, что эти достижения в области звуковой системы языка являются, вместе с тем, вообще вершинными достижениями обеих этих теорий. В области грамматики как таковой не только младограмматики, но и структуралисты не могут предъявлять равных достижений.

Между тем, и на протяжении XIX века, и в XX в., наряду с развитием лингвистических теорий, ставивших во главу угла звуковую сторону языка, существовали и лингвистические теории, в центре которых стояла грамматическая проблематика. Кроме отмеченных нами имен, здесь можно назвать еще целый ряд языковедов, например (хотя и связанных так или иначе с младограмматическими концепциями) А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, И. Риса, О. Есперсена. Во второй половине XX в. намечается общее движение к лингвистическим теориям, базирующимся на обращении к грамматике — помимо концепций, продолжающих традиции только что названных лингвистов, здесь можно отметить генеративную (трансформационную) грамматику, грамматику зависимостей, функциональную грамматику и т. д.

Конечно, и среди «грамматикостремительных» концепций имеется ряд существеннейших различий в трактовке грамматических явлений с точки зрения связывания в них формальной и содержательной стороны. Так, генеративная грамматика Н. Хомского на первом этапе своего развития вообще декларировала отказ от привлечения в своем анализе грамматических значений, хотя фактически она давала возможность в формализованном виде эксплицировать смысловую сторону грамматических явлений. От анализа семантики отказываются нередко и представители грам-

матики зависимостей. И все же характерный для последних десятилетий перенос центра тяжести в теории языка со звуковой системы на систему грамматическую представляется нам одним из проявлений общей тенденции лингвистики наших дней к более цельному, синтезирующему подходу к языку.

Такой подход окажется, однако, возможным лишь в том случае, если сами грамматические явления будут трактоваться в своей цельности, т. е. как образования, обладающие своей формальной структурой и своим обобщенным значением. Между тем, в языкознании высказывалось и нередко высказывается мнение, что обобщенное значение грамматических форм по ряду причин объективно установить невозможно, а изучение грамматической семантики теперь нередко отделяется от изучения грамматических форм.

В связи с этим представляется целесообразным в самом общем виде заново рассмотреть вопрос о природе значений грамматических форм. Поскольку для языков разного строя этот вопрос должен быть освещен по-разному, мы заранее ограничиваем себя материалом двух индоевропейских языков флективно-аналитического строя: русского и немецкого.

Однако предварительно необходимо в общем виде определить один общий принцип нашего подхода к языку, поскольку он противоречит одному в высшей степени распространенному положению ряда современных лингвистических теорий.

Теория грамматики не может быть сведена к какому-либо алгоритму, какой-либо последовательности порождающих операций, системе актов речемыслительной деятельности и т. д., хотя бы такое сведение и было освящено тезисом Гумбольдта, что язык есть «энергия». Грамматика как деятельность предполагает существование грамматики и как внеоперационной системы. Грамматический строй существует в человеческой памяти как организованное многообразными связями иерархическое множество взаимосвязанных типов (моделей), одновременных в своем существовании. Хотя каждый из этих типов обладает способностью выступать в процессе формирования в речи и в конечном счете только для этого и создан, он вместе с тем определен в своем своеобразии как своей собственной структурой, так и своими отношениями к остальным компонентам внеоперационной грамматической системы языка. В этом смысле грамматическая традиция, включая концепции Соссюра и структурализма, с полным правом устанавливала грамматическую систему как систему внеоперационных парадигматических и синтагматических связей. Именно этот плацдарм и является тем плацдармом, на котором языкознание выступает наиболее суверенно и не может быть подменено никакой другой наукой, между тем как в сфере операционной грамматики решающее слово принадлежит психологии и физиологии речи, а языкознание в лучшем случае играет роль вспомогательной дисциплины.

Правда, полностью без обращения к психофизиологическим факторам, действующим в грамматическом строе, обойтись невозможно и во внеоперационной грамматике. Так, при отделении необходимых компонентов предложения от факультативных (метод «вычеркивания») исследователь основывается на восприятии (своем, а также других грамматистов, информантов и т. д.) некоторых словоформ как таких, без которых предложение в условиях максимальной удаленности от ситуации и контекста будет производить впечатление структурно незавершенного, т. е. дает предложению психологическую трактовку. Утверждение, что перенос какого-либо необходимого компонента предложения в его конец ведет к большей структурной целостности, цементированности предложения, также основывается на определенной концепции психического акта.

лежащего в основе построения предложения. Но во всех этих и подобных им случаях исследователь оперирует такими простейшими и явными чертами психоречевой деятельности, которые достоверны в своей эмпирической данности и поддаются несложной экспериментальной проверке. Кроме того, они привлекаются лишь для объяснения отдельных моментов грамматического строя, а не служат основой для толкования всего этого строя в целом и для его преобразования в цепь психоречевых актов.

Выступая как внеоперационная система, грамматический строй перебрасывает мост через стихию психоречевой деятельности и непосредственно образуется двумя конкретно представленными в социальной действительности, объективирующимися сторонами: формальной и смысловой. Исследование грамматического строя как двувершинного образования, с опущением связывающего эти две вершины подспудного психофизиологического механизма, представляется поэтому вполне оправданным не только из эвристических соображений, но и по существу, потому что в процессе речевой коммуникации обе эти вершины, приобретая значительную устойчивость, выявляют тесную связь друг с другом, обособившуюся от конкретных условий психофизиологического формирования речи. Если не сводить язык к речи, а видеть в нем и язык как таковой, то такое двувершинное рассмотрение его грамматического строя является неизбежным. Конечно, формальная «вершина» грамматики находит свое выражение в более четких структурах значительно более явно, чем «вершина» смысловая. Но и эта последняя может быть — по крайней мере, в своих существенных чертах — раскрыта без обращения к психоречевой деятельности человека с помощью сопоставления зафиксированного и подлежащего некоей фиксации в процессе речевой практики семантического содержания грамматических форм с явлениями и отношениями объективной действительности.

Мы возвращаемся здесь, таким образом, к проблеме обобщенного значения грамматических форм и переходим теперь к непосредственному рассмотрению этой проблемы.

II. Как у всякой науки, у языкознания есть ряд положений, которые, будучи раз намечены, остаются исключительно важными для всего последующего развития данной науки, хотя они могут с течением времени получать различную интерпретацию и более детализованную трактовку, а некоторыми направлениями в языкознании даже отвергаться.

К числу таких положений относится положение о том, что языковые явления, относящиеся к области грамматики, характеризуются наложением обобщенного значения на значение лексическое. Другими словами: грамматической форме свойственно наслаивание на лексическое значение выражаемого в ней лексического материала некоего обобщенного значения, характерного именно для данной грамматической формы.

Правда, конкретная трактовка этого положения стала за последние сто лет несколько иной, чем она была, например, у А. А. Потебни. Если для А. А. Потебни грамматическая форма отождествлялась с формой слова¹, то в современном языкознании ставится вопрос и о наслоении обобщенного грамматического значения на более частные значения таких синтаксических единств, как предложение и словосочетание. Наслаивание грамматических значений происходит здесь не на лексические значения отдельных слов, а на эти значения в их взаимосвязи, причем формальные связующие элементы, фиксирующие такое наслаивание, трактуются очень широко. Они не исчерпываются морфологическими формами,

¹ См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I—II, М., 1959, стр. 35—36.

а включают в себя формы просодические, формы порядка слов и формы сочетаемости, когда она выступает как явление, охватывающее целые разряды слов. А сама структура обобщенного значения грамматических форм стала рассматриваться в современном языкознании как образование сложное, не лишенное противоречий. Но по существу сам принцип наслоения значений обобщенных на значения лексические как примета грамматической формы остается незатронутым.

Наслаивание обобщенного грамматического значения на лексическое значение в грамматической форме резко отличается от соотношения разных значений в слове как лексической единице. Рассмотрим два вида смысловой структуры слова.

Конкретные значения, объединяемые в одной лексеме, т. е. непосредственные признаки, образующие значение слова, могут лежать в одной плоскости, конкретизируя друг друга. Конечно, и здесь одни признаки производят впечатление более общих, чем другие. Так, при анализе значения слова *стул* можно выделить, в частности, такие конкретные признаки, как: 1) «приспособление для сидения одного человека», 2) «обладающее ножками», 3) «обладающее спинкой», 4) «не обладающее ручками», причем первое из этих значений, — естественно, выступающее здесь именно как первое, так как оно содержится в признаке, который является функцией данного предмета, — может быть воспринято как более общее, на которое наслаиваются другие значения. Но по сути дела, здесь имеется пересечение нескольких различных, но не подчиненных друг другу рядов, каждый из которых мог бы быть сделан основой для характеристики значения данного слова. Так, признак: «обладающий ножками» сам может быть взят за основу при выделении ряда: *стул, стол, кровать, этажерка* и т. д. Именно такая одноплановость непосредственных признаков лежит в основе термина «семантические множители», иногда применяемого при компонентном анализе.

Возможно, однако, и иная форма компонентного анализа, вводящая более общие понятия, к которым возводится непосредственное значение данной лексемы с созданием определенной иерархической перспективы. Так, слово *мальчик* может раскрываться как соотношение значений: «человек» — «мужчина» — «ребенок»². В этом ряду соотносимые понятия лежат уже не в одной плоскости, так что есть соприкосновение со структурой грамматического значения. Но здесь есть и различия. С одной стороны, этот ряд мог бы быть продолжен в направлении еще большей обобщенности: «человек — одушевленное существо — предмет». И на этом пути мы бы действительно пришли к значениям, совпадающим с грамматическими, но вводимым все же лишь в лексическом (т. е. не наслаивающемся на грамматическую форму) виде, который сам по себе способен выражать и самые обобщенные понятия. А с другой стороны, внутри этого ряда есть все же значения, которые, по сути дела, обратимы с точки зрения своей обобщенности: не только «ребенок» является спецификацией «мужчины», но и «мужчина» является спецификацией «ребенка», поскольку ребенок может быть как мальчиком («мужчина»), так и девочкой («женщина»). Таким образом, при иерархическом подходе к системе значений, заключенных в лексеме, все же не удастся полностью уйти от «семантических множителей», пересекающихся значений, между тем как грамматическое значение есть всегда значение, не стоящее в одном ряду с лексическими значениями, а наслаивающееся на них.

² См.: F. H u n d s c h n u r e r, *Neue Methoden der Semantik*, Tübingen, 1970, стр. 30.

Наличие обобщенного значения — это нормальное состояние грамматических форм, соответствующее их природе. Конечно, в каждом флективном и флективно-аналитическом языке могут быть обнаружены такие ряды грамматических форм, члены которых противопоставлены друг другу только по различиям в своем оформлении, а не по различиям в своем значении. Таковы, например, в германских языках, различия между сильными глаголами (образованными в некоторых частях своей парадигмы с помощью внутренней флексии) и слабыми глаголами (вся парадигма которых образуется без помощи внутренней флексии). Это, несомненно, определенное грамматическое явление, так как оно входит в конкретный морфологический инвентарь данных языков. Но это явление одномерно, лишено семантического обоснования и поэтому, казалось бы, противоречит провозглашенному нами принципу, в соответствии с которым обобщенное грамматическое значение свойственно грамматическим формам по самой их природе. Однако такие одномерные, чисто формальные явления составляют лишь незначительную часть, как бы периферию, всего инвентаря грамматических форм в соответствующих языках.

Ряд грамматических форм сам по себе лишен подлинного смыслового содержания, поскольку эти формы наслаиваются на лексические значения такие грамматические значения, которые этим лексическим значениям чужды. Так, формы рода и числа в прилагательном и глаголе никак не соотносены с обобщенным значением этих частей речи и появляются у них только в силу их согласования с существительным или местоимением. Однако это не означает полной асемантичности категорий, выражаемых данными формами, а только их отраженный характер — они как бы «отсылают» к тем формам, в которых эти категории обладают своим реальным значением.

Наконец, в языке существуют также грамматические формы, обладающие чисто структурным, композиционным назначением. Это формы, свойственные языку не как системе отношений, а как системе построения. Они представлены, например, в сфере порядка слов, где с помощью дистанцирования тесно связанных друг с другом грамматических форм создается рамка, придающая особую структурную устойчивость и прочность («портативность») соответствующим синтаксическим образованиям. Но число таких одномерных (унилатеральных) структурно-композиционных форм, особенно образующихся на непосредственно грамматической, а не на просодической основе, сравнительно невелико, и они четко отграничиваются от двумерных (билатеральных) грамматических форм.

Таким образом, все грамматические формы, лишенные обобщенных значений, либо занимают периферийную зону грамматической системы, либо опираются на формы, обладающие значением. Именно двумерные, билатеральные формы, обладающие значением, являются ядром грамматической системы, ее подлинной основой. В дальнейшем мы и будем говорить именно о таких (билатеральных) грамматических формах.

Нередко, однако, наличие обобщенного («общего») значения у грамматических форм ставится под сомнение на том основании, что у многих грамматических форм имеется целый ряд различных, несводимых друг к другу и не поддающихся обобщению значений. Опровергнуть это возражение можно как конкретными наблюдениями над языковыми фактами, так и исходя из общих свойств языкового строя. Начнем со второго (дедуктивного) вида доказательства.

Прежде всего, само коммуникативное назначение языка заставляет предполагать, что образование какой-то сложной, разветвленной системы языковых форм не может быть случайным, а должно служить осуществлению этой коммуникативной задачи, т. е. нести какую-то информацию.

Что же касается самого характера этой информации, то она должна быть обобщенной в силу следующего соображения. При большом числе грамматических форм во флективных и флективно-аналитических языках и при сложной системе правил их употребления чистая формальность этих форм, т. е. лишенность обобщенного грамматического значения, повела бы к чрезвычайной перегрузке механической памяти говорящего (естественно, и слушающего). У него отсутствовала бы всякая мотивация применения соответствующих форм, кроме внешних правил их сочетаемости, что препятствовало бы успешному разворачиванию языковой коммуникации. Если бы язык с такой целиком унилатеральной системой грамматических форм действительно когда-нибудь где-нибудь существовал, то рано или поздно эти формы были бы в той или иной мере редуцированы, чтобы облегчить процесс речевой коммуникации. Между тем, при наличии у грамматических форм обобщенного значения, память говорящего и слушающего может двигаться ступенчато, как бы от одного более обобщенного узла к другому, менее обобщенному (или в обратном порядке), создавая, таким образом, большую маневренную возможность для оперативной памяти. Следовательно, наличие грамматических форм в языке оказывается коммуникативно оправданным только в том случае, если эти формы обладают обобщенным значением.

Считая оба этих довода немаловажными, мы вместе с тем все же подчеркиваем, что само по себе доказательство необходимости существования какого-либо явления совсем не равносильно доказательству его фактического существования. Ведь в принципе могут найтись такие факторы, которые в состоянии преодолеть действие отмеченных нами общих требований, вытекающих из природы грамматических явлений. Поэтому мы переходим теперь к характеристике реального положения в сфере грамматических форм с точки зрения выражения ими обобщенных значений.

1. Обобщенное значение грамматических форм в принципе отнюдь не совпадает с так называемым (часто весьма приблизительным) общим значением морфологических форм, взятых как некие единства, т. е. с охватом всех функций этих форм. В очень многих случаях обобщенное значение свойственно той или иной морфологической форме в определенном ее употреблении. Так, в весьма многозначном русском твор. падеже в функции предикатива и предикативного определения явственно выступает обобщенное значение переменного субстантивного признака (*Он у нас учителем; Он работает учителем*). Таким образом, при уточнении своей синтаксической функции морфологические формы часто уточняют и свое грамматическое значение, т. е. выявляют его как объективно обобщенное, поскольку на него накладывается значение определенной синтаксической формы.

2. Обобщенное значение грамматической формы не перестает быть таковым, если под влиянием определенных контекстных и ситуативных факторов некоторые ее реализации получают иной смысл: например, побудительная форма в конструкциях типа *Скажи он мне это заранее, все было бы в порядке* начинает выражать прошедшее сослагательное.

3. Существуют и грамматические формы, в том числе и морфологические, обладающие во всей совокупности своих реализаций отчетливым обобщенным значением, которое в таких случаях оказывается и общим значением данной формы. Так, отчетливое единое обобщенное значение характерно, например, для существительного: оно обозначает предмет в самом общем смысле этого слова, т. е. предметность, вообще любое определенное понятие³.

³ Недавние попытки опровергнуть такое понимание обобщенного значения существительного только показали невозможность без него обойтись. Так, в книге

4. Существуют разные степени обобщенности значения грамматических форм. Иногда большая пестрота значений, обнаруживаемых у какой-либо грамматической формы, оказывается лишь множеством проявлений какого-либо более общего значения, лежащего в иной плоскости, чем противопоставленные друг другу частные значения данной формы. Так, приименной (определительный) род, падеж, который может быть и субъектным, и объектным, и посессивным и т. д., в значительном большинстве этих своих разновидностей и в значительном большинстве своих реализаций в речи обозначает вместе с тем внешний признак предмета, обозначенного определенным существительным.

5. Наиболее важно, что в соответствии с общей тенденцией грамматических форм к полевой структуре обобщенные значения грамматических форм, как правило, также обладают полевым строением. Асимметрия между планом выражения и планом содержания ⁴ проявляется здесь в том, что только у части реализаций грамматической формы определенное обобщенное значение представлено отчетливо и однозначно, между тем как у других реализаций этой грамматической формы данное обобщенное значение представлено нечетко, неполностью или даже вообще отсутствует. Таким образом, обобщенное значение грамматических форм отнюдь не следует понимать примитивно, как механическое соответствие определенной формы определенному значению, а как сложное соотношение, в котором, однако, обнаруживается некая система, обладающая определенной доминантой ⁵. Например, в немецком языке центром таких сложных полей, как значения дат. и вин. падежей, оказываются те реализации этих падежей, которые выступают в качестве дополнений у глаголов, одновременно сочетающихся с обоими этими падежами. Именно здесь при прямом противопоставлении этих падежей, с полной отчетливостью проступает: у вин. падежа значение непосредственного объекта действия, у дат. падежа значение адресата действия. Эти случаи употребления и являются центром полей обобщенного грамматического значения у данных падежей, а многочисленные случаи реализации этих падежей при других глаголах и других частях речи, а также в свободном употреблении представляют собой обширную периферию этого поля, на краях которой возможны значительные отклонения от отмеченных здесь обобщенных значений этих падежей. Особенно резкие расхождения между семантикой отдельных реализаций данных форм, при условии возникновения тех или иных специфических формальных примет этих реализаций, даже могут повести к возникновению особых типов синтаксических конструкций — в данном случае, особых логико-грамматических типов предложения.

С. Д. Кацнельсона «Типология языка и речевое мышление» (Л., 1972) сперва, в плане самых общих речемыслительных различий, термин «предмет» употребляется не «в традиционном расплывчатом грамматическом понимании» как значение существительного, а как обозначение предметов как таковых (стр. 150), но затем, в плане определения семантико-синтаксических категорий, признается, что и признаки могут быть представлены в языке как субстанции (стр. 172). В книге В. Н. Мигирова «Язык как система категорий отображения» (Кипишев, 1973) сначала резко опровергается положение А. М. Пешковского об опредмечивании в существительном признака предмета (стр. 69), но взамен предлагается определить значение существительного как значение носителя признака, что по существу не отличается от значения предмета, а на стр. 127 прямо говорится, что «существительное выражает предмет».

⁴ См.: S. K a r c e v s k y, Du dualisme asymétrique du signe linguistique, TCLP, I, 1929.

⁵ См. в частности: В. Г. А д м о н и, Основы теории грамматики, М.—Л., 1964, стр. 47—51; е г о ж е, Типология предложения и логико-грамматические типы предложения, ВЯ, 1973, 2, стр. 51—54.

В свете только что отмеченных семантических свойств грамматических форм, а особенно учитывая их полевую структуру, наличие известных расхождений и даже противоречий между обобщенным значением грамматической формы и значением ее отдельных реализаций оказывается явлением вполне закономерным и никак не ставит под сомнение сам факт существования обобщенных грамматических значений.

Более того, само обобщенное значение предстает, таким образом, как некая сложно организованная система, которая требует для своего раскрытия в каждом конкретном случае и в каждом конкретном языке долгой и тщательной работы. Только на основе такой работы, учитывающей полевой характер обобщенного значения грамматических форм, можно будет в соответствующих конкретных случаях дать ответ и на вопрос о наличии или отсутствии у данной формы общего (единого) значения.

III. Показав наличие обобщенного значения у грамматических форм и некоторые черты структуры этого значения, а также глубокую связь этого значения с самой сущностью языковой системы, мы тем самым показали несостоятельность концепций, исключающих значения грамматических форм из сферы компетенции языкознания. Более того, мы тем самым выявили и организическую сопряженность (для данного языка в данной период его развития) этого значения с той формой, которой оно выражено, и тем самым, на наш взгляд, обосновали необходимость рассмотрения этого значения именно как значения данной формы. А из этого следует, что намеченная нами концепция существования обобщенного грамматического значения противоречит всем концепциям, которые обособляют обобщенное грамматическое значение как некое образование, самостоятельное по отношению к грамматической форме. Этот вопрос, исключительно актуальный для языкознания на нынешнем этапе его развития, должен быть рассмотрен нами подробнее.

Среди концепций, обособляющих обобщенное значение от грамматической формы как таковой, особое значение имеют теперь такие, к которым с полным правом можно применить термин «редуцирующие теории»⁶. Это тесно соприкасающиеся теории — генеративная грамматика (в сочетании с интерпретирующей семантикой), генеративная семантика, падежная грамматика (падежная семантика)⁷.

У нас нет здесь ни возможности, ни необходимости размежевываться со всеми этапами и со всеми направлениями этих быстро развивающихся и чрезвычайно популярных теорий. Нам нужно отметить лишь главное.

Семантика конкретных грамматических форм находит свое подлинное выражение, согласно этим концепциям, не в них самих, а в иных образованиях, относящихся к особым сферам языка или мышления: в ядерных предложениях (согласно ранним концепциям генеративной грамматики), в глубинных структурах (согласно более поздним концепциям генеративной грамматики), в неразложимых атомных предикатах, логических формах, пропозициональных концептах и т. д. (согласно различным направлениям в генеративной семантике). Обнаружение значения конкретной грамматической формы оказывается равносильным сведению его к этим подспудным структурам, а образование соответствующей грамма-

⁶ См.: В. Г. А д м о н и, Опыт классификации грамматических теорий в современном языкознании, ВЯ, 1971, 5.

⁷ См., например: Ch. Fillmore, The case for case, «Universals in linguistic theory», New York, 1968; J. D. McCawley, The role of semantics in a grammar, сб. «Universals in linguistic theory», New York, 1968; G. Lakoff, Linguistics and natural logic, «Studies in generative semantics», 1, 1970; W. L. Chafe, Meaning and the structure of language, Chicago — London, 1970; J. J. Katz, Semantic theory, New York, 1972.

тической формы для выражения определенного значения возможно лишь, если построить ее из этих структур.

Однако сама по себе грамматичность какой-либо формы, т. е. ее отрабатанность как компонента грамматической системы, с точки зрения грамматики, в силу ее двувёршинности, предполагает непосредственность связи между этой формой и ее значением в процессе речевой коммуникации с тем, что конкретный характер ее реализации и конситуативные факторы помогают ограничить вариативность ее значения.

Это касается, с нашей точки зрения, даже таких форм, как пассив и связанная с ним пассивная форма предложения, которые издавна — и в генетическом плане с полным основанием — трактуются как производные, а в синхронном плане рассматриваются генеративными концепциями как поверхностные структуры, являющиеся преобразованиями глубинных (активных) структур. С точки зрения своего конкретного употребления, форма предложения с пассивом — в тех языках, где эта форма полностью выработана, — непосредственно связывается с определенной семантикой, а именно с семантикой действия, направленного на предмет, выраженный в подлежащем, и не производимого этим предметом, образуя особое, самостоятельное грамматическое явление, обладающее собственными связями и представляющее собой особое грамматическое поле. Конечно, в системе логико-грамматических типов предложения пассивные предложения не являются исходными, основными типами. Иерархически они выступают в разных языках по-разному — как осложненные и в известной мере иногда как переходные типы. Но это их иерархическое положение есть именно положение внутри системы одноплановых, одноуровневых единиц.

Поэтому глубинные структуры реально существуют лишь в той мере, в какой они одновременно являются и поверхностными структурами, т. е. выступают как конкретные грамматические формы данного языка. Там же, где они выступают как постулируемая заречевая данность, служащая лишь как исходный пункт для порождения поверхностных структур, там они просто не существуют как грамматическое явление, а оказываются крайне гипотетическим звеном психической деятельности человека или условным компонентом логической операции, пытающейся описать функционирование грамматических единиц.

Соответственно и трансформации в глубинные структуры словосочетаний являются лишь диагностирующим средством, т. е. приемом, позволяющим эксплицировать и инвентаризировать значения, свойственные данному словосочетанию, а не отражением реального процесса формирования и расшифровки данных структур. При наличии у морфологической или синтаксической формы целой гаммы значений, актуализация в высказывании одного из значений (или их оттенков) происходит непосредственно под влиянием связей с контекстом и ситуацией, а не путем обращения к глубинным структурам. Конечно, в системе языка обобщенное значение какой-либо грамматической формы выделяется лишь в своем противопоставлении другим формально выраженным значениям того же смыслового ряда. Но такая парадигматическая обусловленность обобщенного грамматического значения не ведет к тому, что соответствующая парадигма становится опосредующим звеном между грамматической формой и ее значением. Те противопоставления, внутри которых выделяется данное грамматическое значение, являются и в языке и в речи лишь фоном и предпосылкой для его существования, не снимая самого этого существования как конкретной, непосредственной связи между реальной формой и реальным обобщенным значением. Выражаясь грамматическими формами, понятия и смысловые отношения отраженной в сознании действительности

образуют систему, позволяющую охватить огромные богатства явлений и отношений, но образуют ее лишь вместе с этими выражающими их формами, что и создает подлинно грамматическую систему, притом специфическую для каждого языка. Будучи системой, реально присущей какому-либо языку, эта система формально воплощенных значений является асимметрической, отражая общую асимметрию языкового плана содержания и плана выражения, и характеризуется синонимией. Способность выражать одни и те же обобщенные значения в разных разветвлениях грамматического строя создает возможность соотнесения соответствующих форм в некоей парадигме, которая обычно понимается как трансформационная, но которую, на наш взгляд, правильнее было бы назвать синтаксически разнонаправленной или преломленно-синонимической.

Преломление сочетаний определенных лексемных корней (основ) с неизменной денотативной семантикой под углом зрения разных синтаксических связей и разных наслоений других грамматических значений является тем, что связывает друг с другом, например, такие конструкции, как *Металл обрабатывают* — *обработка (обрабатывание) металла* — *металлообработка* и (с некоторым семантическим отступом) *Металл обрабатывается* — *обработанный (обрабатываемый, обрабатывающийся) металл*. В таких синтаксически разнонаправленных (или преломленно-синонимических) парадигмах, естественно, выделяется некая форма, которая является как бы отправной и может служить репрезентантом всего парадигматического ряда в целом. Такими отправными, независимыми формами в парадигмах могут, с одной стороны, считаться те, которые в состоянии выразить соответствующее значение в наиболее замкнутом виде, т. е. при максимальном удалении от условий ситуации и контекста, при наличии минимального числа проекций обязательной сочетаемости, ведущих от непосредственно данной формы в некую синтаксическую перспективу. С этой точки зрения, для выбранной нами в качестве примера синтаксически разнонаправленной парадигмы отправной (назывной) формой должна была бы быть, очевидно, форма *Металл обрабатывают*, т. е. форма простого самостоятельного предложения. Конечно, не потому, что из этой формы якобы исторически произошли или в процессе индивидуальной психофизиологической деятельности в каждом акте употребления образуются другие формы данной парадигмы. А потому, что в самой этой парадигме предложение *Металл обрабатывают* выражает данную смысловую связь двух лексемных корней как бы само по себе, без необходимости обязательного восполнения со стороны каких-либо лежащих за пределами данного предложения синтаксических форм. Но, с другой стороны, в грамматической системе существует также тенденция делать отправной, назывной формой парадигмы именные образования, по своей природе придающие облик предметности и тем самым некоей устойчивости любым лексическим значениям. Поэтому репрезентантом приведенной нами синтаксически разнонаправленной парадигмы может выступать и субстантивное словосочетание *обработка металла*, которая, правда, как всякий им. падеж обладает альтернативной обязательной сочетаемостью, но вместе с тем, опять-таки как каждый им. падеж, легко может выступать в общеназывной функции. Предметность и сконцентрированность группы *обработка металла*, ее способность функционировать в самых разных употреблениях в предложении делают эту группу даже чрезвычайно удобной для того, чтобы служить общим представителем всей данной парадигмы, и заставляет склониться к мысли, что именно она и является отправной, назывной формой нашей парадигмы.

Но уже сама возможность постановки вопроса о том, какая из форм определенной парадигмы является в ней отправной, показывает, что со-

отношение этих форм отнюдь не элементарно и что они находятся не в отношениях преобразования одних форм в другие, а в отношениях дополнительного распределения в общей системе синтаксических средств языка, т. е. пребывают в одной и той же сфере языка. При употреблении в речи формы *металл обрабатывают* в такой же степени нельзя говорить о том, что она является трансформацией формы *обработка металла*, как и при употреблении в речи формы *обработка металла* говорить о том, что она является трансформацией формы *металл обрабатывают*.

По сути дела «глубинные структуры», «атомные предикаты» и т. п. — это лишь особый способ обозначения обобщенного значения грамматических форм, но такой способ, который претендует на статус особой сущности, якобы не исчерпывающейся тем, что она является содержательной стороной билатеральной грамматической формы, и который претендует на особое место и даже на особый уровень в системе языковых форм. Между тем, при придании обобщенным значениям грамматических форм этого особого статуса, делающего их единицами особой системы, они фактически выходят за пределы грамматического и вообще языкового строя как такового, становятся компонентами некоего смыслового строя, т. е. какой-либо семантической системы. Этим не снимается желательность составления инвентаря всех понятий и всех смысловых отношений, которые выражены в грамматических формах данного языка, а в идеале и всех понятий и всех смысловых отношений, которые выражены в грамматическом строе всех языков. Но это будет с точки зрения системы языка именно лишь инвентарь, некий тезаурус семантических моделей, а не функционирующая система структур. Практически подобное выделение обобщенных грамматических значений как некоего набора релевантных для грамматики смысловых отношений в грамматике проводилось уже давно. В течение длительного времени в грамматике постепенно вырабатывался ряд семантических понятий, который частично с разными вариациями используется и у представителей генеративной семантики (например, понятие субъекта действия — агенса, объекта действия — пациенса и т. д.).

Выделялось также некоторое количество таких явлений и отношений объективной действительности, которые настолько важны для существования человека, что получают свое выражение в обобщенном значении грамматических форм различнейших языков. Систематизация таких мыслительных категорий, отражающих явления и отношения реальной действительности, с учетом их восприятия человеческим сознанием в специфических условиях речевой коммуникации, является важным делом, создавая систему предположительных универсалий, т. е. сетку тех категорий, которые в общем плане с наибольшей вероятностью должны быть представлены в грамматических системах естественных языков⁸. Но если проводить границу между грамматическим и лексическим способами выражения значения, понимая под грамматическим такой способ, который состоит в закреплении разными формальными средствами наслаивания обобщенного значения на лексическое значение (или на цепь взаимосвязанных лексических значений), то мы все же должны будем признать, что в разных языках одни и те же значения могут выражаться по-разному — либо грамматически, либо лексически. Приведем самый банальный пример. Выражение временного предшествования передается в некоторых языках с помощью специальных временных форм глагола, а в ряде других языков с помощью разного рода сочетаний лексем. И это положение остается в силе при самом широком понимании грамматической формы,

⁸ Интересную систему таких универсалий предлагает С. Д. Кацнельсон в книге «Типология языка и речевое мышление» (Л., 1972).

т. е. включая в нее и интонационные средства, и средства порядка слов, и средства сочетаемости как явления, характерного для грамматических разрядов слов. Неизбежно выражение грамматическими средствами во всех языках лишь чрезвычайно небольшого числа мыслительных категорий, между тем как сочетанием грамматических и лексических средств во всех языках могут быть выражены все мыслительные категории, которые зафиксированы в грамматической системе любого языка.

Конкретизируем наши критические замечания о концепциях, обособляющих обобщенное грамматическое значение от грамматической формы, кратким анализом недавно появившейся статьи, в которой ощущается сильное влияние генеративных теорий. Имеется в виду статья О. И. Москальской «Проблемы семантического моделирования в синтаксисе» (ВЯ, 1973, 6). Отметим прежде всего, что статья эта противоречива. С одной стороны, она выдвигает требование создать «структуры смысла предложения», т. е. «семантические модели предложения», являющиеся глубинными структурами предложения, противопоставляя их формальной (поверхностной) структуре предложения. Семантическая модель предложения понимается при этом как «тот или иной стереотип структурирования смысла предложения, посредством которого внутренняя речь переводится в высказывание». Тем самым здесь утверждается наличие особой семантической системы, для проявления которой формальные структуры предложения являются лишь внешней (поверхностной) оболочкой. Это — прямое проявление редуцирующего подхода к обобщенному значению грамматических форм. С другой стороны, О. И. Москальская все же как будто склонна признавать органическую связь между формой и семантикой предложения. Она полемизирует против принципа автономности семантики по отношению к грамматике (стр. 43). Встречается и замечание о формальной грамматической форме, имеющей «наиболее типичную для соответствующей семантической модели структуру» (стр. 42). Это ведет, скорее, к пониманию семантической модели как средства инвентаризации обобщенных значений предложения. Но решающим является для О. И. Москальской все же первый момент. Весь упор она делает на то, чтобы наметить набор семантических моделей, которые могут воплощаться в разных формальных моделях предложения и которые в разных сочетаниях могут воплощаться в одной формальной модели. Так, при анализе двухкомпонентных глагольных предложений различаются следующие семантические модели предложения: акциональные (глагол выражает действие, а подлежащее агенс: *Он действует*) и детерминирующие, которые делятся на статальные (глагол выражает состояние, а подлежащее детерминат: *Он спит*) и собственно детерминирующие (глагол выражает постоянный признак, а подлежащее детерминат: *Он носит /хромает /пьет*, стр. 39).

Подчеркиваем, что вопрос ставится здесь именно о существовании особых семантических моделей (стереотипов), с которыми может быть сопоставлена та или иная формальная модель предложения, между тем как последние сами по себе рассматриваются как чисто формальные образования.

Однако такой подход огрубляет действительное положение вещей. Превращение обобщенного значения грамматической формы в набор семантических стереотипов делает невозможным обнаружение подлинной, чрезвычайно сложной смысловой структуры данной формальной модели предложения, характеризующейся наличием множества переходов между значениями действия и состояния, заменяя такое обнаружение перечислением семантических моделей, «приписанных» к данной форме. Характерно, в частности, что в применении к приведенной здесь формальной

модели даже не упомянуто о концепции, утверждающей наличие у акциональных, статальных и детерминирующих предложений и некоего более общего значения, охватывающего все эти три семантические модели, а именно значения: «предмет, от которого исходит некий процесс + процесс, исходящий от предмета»⁹. Но и независимо от этого, подход О. И. Москальской превращает формальную модель предложения в носительницу совершенно разобщенных, дискретных значений, между тем как на самом деле для системы значений, представленных у грамматической формы, характерна не дискретность, а полевая структура, т. е. наличие множества переходных, пограничных случаев. В частности, такие переходы есть в большом количестве и между значениями действия, состояния и постоянного признака в затронутой здесь модели предложения с формой «номинативное подлежащее + спрягаемый глагол». О трудности разграничения значений действия и состояния нам уже приходилось говорить (в применении к немецкому языку)¹⁰. Но очень многообразны и связи, существующие между этими значениями и значением постоянного признака. Большое количество глаголов может обозначать как действие или состояние, так и постоянный признак предмета, причем обычно выражение постоянного признака обусловлено наличием специального контекста. Глаголы в предложениях типа *Она смеется*, *Она хлопочет* будут выражать постоянный признак лишь при введении обстоятельств типа *всегда*, *постоянно* и т. п. Например, *Она всегда смеется*, *Она постоянно хлопочет*. Но и при таком переводе значения действия или состояния в значение постоянного признака далеко не всегда достигается полное смысловое уравнение этого признака с постоянным признаком, выраженным прилагательным или существительным. *Она всегда смеется* не то же самое, что *Она смешлива* или *Она смешливая*: в предложении с глагольным сказуемым непосредственно присутствует момент определенной, хотя и постоянно повторяющейся процессуальности, между тем как в предложении со сказуемым-прилагательным на переднем плане находится значение потенциальной склонности лица, выраженного подлежащим, к данному виду действия.

При сравнении предложений — 1) *Она хромает*, 2) *Она хромает с детства*, 3) *Она хрома*, 4) *Она хромая*, 5) *Она хромонога*, 6) *Она хромоножка* легко заметить, что предложение 1, в отличие от предложения 2, вообще может обозначать не постоянный признак, а разовое действие, т. е. определенный вид ходьбы человека в данное время и в данном месте, например: «Пошел Жилин с колодой, хромает, ступить нельзя, так поворотило ногу в сторону» (Л. Толстой). Нетрудно также заметить, что предложение 2 фиксирует постоянный признак все же с выявлением его действительного характера, между тем как в предложениях 3 и 4, а особенно 5 и 6, эта действительность в значительной мере приглушена и заслонена статическим, предметным представлением. Не имея возможности остановиться здесь на этих вопросах подробнее, мы все же полагаем, что и приведенных примеров достаточно, чтобы увидеть, что дискретные семантические модели непригодны для характеристики реального смыслового содержания грамматических форм. Но если брать эти модели не как дискретные образования, не как «стереотипы», а просто как значения, выражаемые этой формой и могущие находиться в многообразных связях друг

⁹ См.: В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, стр. 422—424; W. A d m o n i, Der deutsche Sprachbau, Leningrad, 1960, стр. 145—146. Любопытно, что сама О. И. Москальская в своей книге «Грамматика немецкого языка» (М., 1956) рассматривала процесс как то наиболее общее значение, которое связывает наличные у глагола обобщенные значения действия и состояния (стр. 214).

¹⁰ См.: В. Г. Адмони, Введение в синтаксис современного немецкого языка, М., 1955, стр. 116—117.

с другом, то это будут уже не семантические модели, выдвигаемые О. И. Москальской, а те самые обобщенные значения типов предложений, против которых она решительно выступает. Дело в том, что О. И. Москальская неправомерно рассматривает все прежние концепции модели предложения, обращавшиеся к его семантике, как концепции, механически отождествляющие форму и содержание предложения (стр. 36)¹¹.

Автор этих строк неоднократно подчеркивал, что обобщенное грамматическое значение очень сложным образом соотносится с выражающей его грамматической формой. Именно этот момент был одним из тех, которые играли решающую роль при выдвижении нами гипотезы о полевой структуре грамматических форм¹². А в предложенной нами системе логико-грамматических типов предложения две конструкции с переходными глаголами выделены в особые подтипы, поскольку они, опираясь на некоторые основные черты в своем формальном строении, выражают не субъектно-объектные, а иные смысловые отношения¹³. Наконец, в развернутом виде сложность и полевой характер строения логико-грамматических типов предложения, наличие у некоторых из них целого «веера» значений были подчеркнуты в статье автора этих строк «Типология предложения и логико-грамматические типы предложения» (ВЯ, 1973, 2). Нами отмечалась также синонимия логико-грамматических типов предложения¹⁴.

Что же касается семантических моделей предложения, то они, как и сходные построения генеративной семантики, могут послужить для той инвентаризации обобщенных грамматических значений, о которой мы говорили выше. Но заменить систему логико-грамматических типов предложения (или сходные системы типологии предложения) они не могут. Попутно надо отметить, что работа по установлению обобщенных значений грамматических форм во всей их сложности является делом исключительно трудным. Ведь здесь необходимо тщательное взвешивание огромного числа смысловых соотношений между лексическими реализациями синтаксических структур, учет многих, часто совсем незаметных моментов синтаксической формы (в том числе сочетаемости), установление возможности различных трансформаций и т. д. Поэтому подлинное продвижение в этой трудной области должно быть крайне осторожным и базироваться на огромной работе. Примером того, как легко допустить здесь неточности, может служить хотя бы сделанное мимоходом утверждение О. И. Москальской, что у предложений типа *Он испытывает боль* (в противоположность акциональным предложениям типа *Он испытывает прибор*) невозможна пассивная трансформация, что подтверждает омонимичность данной формальной структуры (стр. 43). В «Словаре современного русского литературного языка» пассивная форма от подобных стальных конструкций считается вполне возможной и приводится пример: *Пешеходом испытывается утомление*¹⁵. Та «тождественность в семантическом плане», о которой говорит О. И. Москальская применительно к формальным типам предложения: *Он вспомнил детство — Ему вспомнилось детство* (стр. 41), ограничена тем, что

¹¹ В своей критике существующих концепций семантической характеристики данных типов предложения О. И. Москальская опирается на Г. Хельбига (Zur Theorie der Satzmodelle, «Biuletyn fonograficzny», XI, 1971), хотя в работах Хельбига этот вопрос освещается очень неточно, даже искаженно. См.: W. A d m o n i, Satzmodelle und die logisch-grammatischen Satztypen, «Deutsch als Fremdsprache», 1974, 1.

¹² W. A d m o n i, Der deutsche Sprachbau, 3. Aufl., Leningrad, 1972, стр. 11.

¹³ Там же, стр. 241.

¹⁴ Там же, стр. 243.

¹⁵ «Словарь современного русского литературного языка», 5, Л., 1956, стр. 514.

безличная структура, как это постоянно отмечается грамматистами и стилистами, привносит в выражаемое ею отношение некоторый оттенок произвольности, который отсутствует в синонимичной ей личной структуре.

В наличии обобщенных значений у формальных моделей предложения (и вообще у грамматических форм) находит свое выражение общая тенденция грамматического строя к глубинному строению. Но не к тому глубинному строению, которое прокламировано генеративной грамматикой и которое раскрывается, как наличие в каких-то особых пластах речевого сознания особых структур, к которым могут быть сведены структуры поверхностные. Подлинная глубинность грамматического строя заключается в том, что каждая грамматическая форма (за исключениями, отмеченными на стр. 44) обладает некоторым количеством наслаивающихся друг на друга значений, основных и вторичных, причем в речевой цепи количество этих наслаивающихся друг на друга значений существенно увеличивается и между ними возникают сложные, разнообразные отношения. Вот эта-то реальная множественность значений, надстраивающихся над каждой единицей речевой цепи и образующих нечто вроде музыкальной партитуры, и есть реальная глубина грамматических (или лексико-грамматических) форм, составляющая особое измерение речевой цепи, которая, таким образом, отнюдь не является просто линейной. А самым глубинным из этих значений является то значение, которое наиболее независимо от условий ситуации и контекста — среди обобщенных грамматических значений предложения это те значения, которые выражены в логико-грамматических типах предложения, вследствие чего аспект логико-грамматических типов предложения и является наиболее глубинным во всей системе аспектов предложения.

Что же касается поверхностных структур, то они действительно поверхностны, но не в том смысле, что они сами по себе не соотнесены с отраженными в сознании отношениями реальной действительности и нуждаются в редукции. Поверхностные структуры предложения поверхностны потому, что они являются реальными единицами речевой цепи, в которых в сложном и переплетенном виде нашли свое выражение все многообразные значения, присутствующие в предложении, и в которых действуют различные композиционные средства, организующие предложение как единицу языка, — системы построения. Поэтому реально существующее в речи (поверхностное) предложение может быть и должно быть раскрыто с точки зрения всех аспектов предложения и всех композиционных форм предложения как тех моментов, из взаимодействия которых данное конкретное предложение возникло. Но обладающая обобщенным значением формальная модель предложения (т. е. его логико-грамматический тип) относится как одна из его необходимых составных частей, и притом как его глубинная часть, к тем сторонам, которые непосредственно даны в самом этом поверхностном предложении, а не находятся где-то в другой сфере языковой системы.

При всем том рассмотрение глубинных структур в духе генеративной грамматики и семантических моделей в духе генеративной семантики представляются нам весьма положительным явлением с точки зрения развития некоторых лингвистических течений. В этой форме происходило и происходит — хотя бы окольным путем — восстановление в правах семантики, прежде вызывавшей подозрение или даже вообще изгонявшейся из дескриптивизма.